

УДК 130.2

Кристина Крепс

ТУЗЕМНОЕ КУРАТОРСТВО КАК НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Термин «туземное кураторство» мы будем использовать для определения различных западных моделей музеев, методов кураторской деятельности и концептов сохранения культурного наследия. Весь этот комплекс культурных проявлений может быть объединен в то, что я характеризую понятием «музеологическое поведение» – т. е. всякую форму деятельности, набор практик или систему знаний, проявляющих обеспокоенность сохранением ценных в культурном отношении материалов и традиций. Оно может включать в себя создание структур и пространств для собирания, хранения и презентации определенных предметов, а так же знания, практики и техники, связанные с их сохранением, использованием, интерпретацией и консервацией. Музеологическое поведение также включает концепты сохранения наследия или концептуальные рамки, поддерживающие процесс передачи культуры во времени, т. е. то, что я и определяю как сохранение культурного наследия.

Западная музеология исходит из предпосылки, сообразно которой идея музея и музеологическое поведение суть феномены исключительно современной западной культуры. Однако на самом деле многие культуры хранят предметы, наделенные особой ценностью, и создают комплексные структуры или пространства для их сохранения, а так же разрабатывают соответствующие технологии. Во многих отношениях такие туземные музеологические формы и их функции аналогичны формам и функциям западной музеологии¹.

Например, дома встреч маори в Новой Зеландии, *haus tambaran* в Новой Гвинее, микронезийские *bai* служат в качестве мест создания, хранения и экспонирования священных предметов, а так же в качестве центров обучения молодых поколений истории, культуре, искусству и духовным ценностям их народов. Как отмечает М. Симпсон, в Тихоокеанском регионе современный музей не обязательно оказывается новым или иностранным концептом, как довольно часто утверждают. Зачастую он может стать развитием некоторых старых традиций².

Амбары для риса кеньянских даяков (*lumbung*) оказываются аналогом музейного концепта не столько в том смысле, что они выступают в роли мест, где собирают, выставляют, изучают и интерпретируют некие вещи в целях просвещения публики (как это подразумевается современным западным пониманием музея), сколько в том, что они являются проявлением стремления сохранить нечто ценное на концептуальном и техническом уровнях путем применения на практике настоящих мер превентивной консервации. Проводя исследование в деревнях кеньянских даяков Восточного Калимантана в 1996 г., я видела, как эти амбары для риса нередко использовались для хранения не только запасов зерна, но и таких семейных реликвий, предающихся по наследству, как керамика, гонги, барабаны.

¹ Большая часть примеров туземного кураторства, а так же идей и аргументов, с ним связанных, взята из моей книги, см.: *Kreps Ch. Liberating Culture: Cross-Cultural Perspectives on Museums, Curation, and Heritage Preservation*. London; New York, 2003.

² См.: *Simpson M. Making Representations: Museums in the Post-Colonial Era*. London; New York, 1996.

Вот лишь несколько примеров того, как принципы превентивной консервации и соответствующие меры применялись в этих амбарах для риса.

Физическое расположение амбара уже указывает на важность идеи сохранности. В тех деревнях Восточного Калимантана, которые я посещала, рисовые амбары всегда располагались за пределами самой деревни, на возвышенном участке. Это делалось с целью обезопасить их от деревенских пожаров и сезонных разливов рек. Такие архитектурные детали, как крытые соломой крыши, передвижные навесы и отдушины, призванные контролировать внутреннюю температуру и регулировать воздушные потоки, функционируют как своеобразные средства «климатического контроля», соответствующие данным технологическому и экологическому контекстам. В архитектуре построек учитываются и техники «борьбы с вредителями». Туземным эффективным средством для борьбы с проникновением в амбары грызунов является размещение резных деревянных планок или дисков на каждом из поддерживающих эту структуру столбов. Другой способ «борьбы с вредителями» заключается в использовании репеллентов и окуривания. Один из жителей деревни рассказывал мне, что иногда для «изгнания» крыс в амбарах вешали шкуру животного, похожего на ласку, издававшую едкий запах. В других случаях для борьбы с плесенью и грибок там жгли перец. Для борьбы с излишней влажностью в амбарах могли помещать древесный уголь. Все эти меры превентивной консервации являются частью кураторских традиций, представляющих знания и навыки, направленные на сохранение и защиту особо ценных вещей.

Туземные методы кураторства могут быть направлены на сохранение как материальной, так и духовной целостности предметов, отражающих особые религиозные или культурные свидетельства об использовании или обращении с определенным рода предметов. Именно такой подход воплощает «традиционное хранение» коренных американцев, методы которого все больше включаются в практики сохранения и управления коллекциями обычных музеев. Эти методы могут включать разделение основной коллекции и предметов, сакральных или особо значимых в культурном отношении, разделение предметов на основании гендерного признака. Доступ к определенным предметам может быть разрешен только для женщин или мужчин, старейшин или религиозных лидеров, членов определенных кланов и т. д. Распространение в местах хранения получают практики церемониального окуривания или «кормления» предметов, их обертывания в миткаль и хранения в незапечатанных контейнерах³. Это делается из-за веры в то, что вещи являются одушевленными, живыми объектами, которым необходимо дышать. Такой взгляд на предметы резко контрастирует с тем, как к ним относились и как их воспринимали в обычных музеях.

Подобные туземные модели музеев и кураторских практик – материальное воплощение идей о том, что составляет наследие, как его следует воспринимать, как и кому передавать, как с ним обращаться. Они воплощают холистические подходы к сохранению наследия, интегрированные в более обширные социальные структуры и текущие социальные практики. Индонезийская идея *pusaka* – пример такого широкого, интегрированного подхода к сохранению наследия.

³ См.: *Rosoff N. Integrating Native Views into Museum Procedures: Hope and Practice at the National Museum of the American Indian // Museum Anthropology. 1998. Vol. 22 (1). P. 33-42; Flynn G., Hull-Walski D. Merging Traditional Indigenous Curation Methods with Modern Museum Standards of Care // Museum Anthropology. 2001. Vol. 25 (1). P. 31-40.*

Слово «*pusaka*» обычно переводится, как «то, что передается в семье по наследству». Однако в самом индонезийском языке оно имеет множество различных смыслов. Исследователи отмечают, что можно выделить три разных, хотя и взаимосвязанных значения этого слова: 1) то, что унаследовано от некоего умершего человека (аналог наследства); 2) то, что досталось от предков (аналог семейных реликвий); 3) особо ценное для некой общины наследие, которое не может быть передано иначе как по праву общего происхождения (аналог наследия как того, чем обладают благодаря естественной ситуации или по праву рождения)⁴.

Таким образом, *pusaka* – это концепт культурного наследия, выраженного как в материальной, так и в нематериальной форме. Он работает в целях защиты и сохранения ценной культурной собственности и передачи культурного знания и традиций от одного поколения другому. Следовательно, *pusaka* функционирует и как средство сохранения культурного наследия. Это инклюзивный, холистический подход к сохранению наследия, интегрированный, как уже отмечалось выше, в более обширные социальные структуры и текущие социальные практики⁵.

Материальные формы феномена *pusaka* включают в себя такие вещи, как текстиль, ювелирные украшения, орнаменты, оружие, керамика, бусы, принадлежности для танцев, земля, резные фигуры предков и дома. Нематериальные выражения культуры, такие как песни, танцевальные драмы, истории или имена также могут пониматься в качестве *pusaka*. Фактически ей может стать все, что угодно, при этом, отнюдь не все, что передается по наследству, является *pusaka* и, кроме того, вещи не создаются для того, чтобы быть *pusaka*. Объект или некая целостность становятся ей в процессе своей социальной жизни. Как сформулировал это один индонезийский писатель, *pusaka* – это социальные конструкты, и превращает объекты в *pusaka* не какая-то их внутренняя природа, а то значение, которое придает им общество⁶.

Следовательно, как и в случае с другим культурным наследием, смыслы и ценности, которые присваиваются *pusaka*, социально и культурно сконструированы и зависят от особых контекстов и обстоятельств. Так как *pusaka* является социальным конструктом, представляется более полезным думать о ней в терминах социальных взаимосвязей, т. к. *pusaka* подчеркивает, выражает и определяет связи в рамках общества⁷.

У разных культурных групп в Индонезии есть собственные разновидности *pusaka* и собственные пути присвоения ей ценностей и смыслов. Следовательно, они могут иметь и собственные представления о том, что составляет их наследие и каковы подходы к его сохранению. У них могут быть свои установления относительно того, кто именно должен заботиться о *pusaka*, т. е. выступать в роли ее кураторов. В одной группе это может быть глава деревни, в другой – религиозный лидер, в третьей – кто-либо из окружения правителя. Кураторская работа в таком контексте оказывается социальной практикой, глубоко укорененной в более широкой социальной структуре, которая и определяет взаимоотношения между людьми и их особые отношения с объектами.

⁴ *Soebadio H.* Introduction // *Pusaka: Art of Indonesia*. Ed. by H. Soebadio. Singapore, 1992. P. 15.

⁵ *Kreps Ch.* Curatorship as Social Practice // *Curator*. 2003. Vol. 46. Is. 3. P. 311-323.

⁶ *Kartiwa S.* *Pusaka and the Palaces of Java* // *Pusaka: Art of Indonesia*. Ed. by H. Soebadio. Singapore, 1992. P. 159.

⁷ *Martowidkrido W.* Heirlooms of the Outer Islands // *Pusaka: Art of Indonesia*. Ed. by H. Soebadio. Singapore, 1992. P. 129.

Это лишь несколько примеров туземных кураторских практик и концептов наследия, которые показывают, что у различных культур есть свои собственные кураторские традиции и способы сохранения различных аспектов культуры, которые, сами по себе, оказываются частью их культурного наследия. Кроме того, из данного примера видно, что различные подходы к защите культурного наследия и кураторским традициям – это продукты особых культурных контекстов, отличающиеся друг от друга в зависимости от отличий самих этих контекстов. В этом смысле, то, что кажется уместным и подходящим в одном контексте, может перестать быть таковым при перенесении в другой.

Туземные кураторские практики должны быть признаны и оценены как самостоятельные уникальные проявления культуры и свидетельства культурного разнообразия человечества. Но, кроме того, они могут многое дать нам и для понимания музеев и музейного поведения в кросс-культурной перспективе: как люди в различных культурных контекстах воспринимают, оценивают и сохраняют материальные и нематериальные аспекты своей культуры. Достаточно иронично, что антропологи, исторически проявляя большой интерес к коллекционированию и изучению предметов незападной материальной культуры, ни малейших усилий не посвятили хоть сколько-нибудь систематическому исследованию и документации тех способов, при помощи которых сами создатели данных предметов сохраняли свои материалы. И это притом, что подобные способы, также как религия, искусство, социальная организация и проч., являются частью этой культуры.

Незападные модели музеев, методы кураторской деятельности и концепты сохранения культурного наследия не привлекали внимания ученых и музеев вплоть до самого последнего времени. Такое пренебрежение объясняется в основном господствующей точкой зрения (или – идеологией), сообразно которой концепт музей и этос сохранения являются феноменами исключительно новоевропейской истории, а базирующаяся на научном подходе, западная музеология превосходит все прочие подходы к этой проблеме. Западное знание и западные модели служили основным контекстом и главной точкой отсчета для нашей практики. Из-за такой идеологии и гегемонии западной музеологии, для большинства затруднительно было думать или говорить о музеях, кураторстве или сохранении наследия в терминах, отличных от тех, что предлагает западный дискурс музеологии. Мы просто не могли увидеть музеев и музейное поведение, выраженное в иных формах и реализуемое при помощи иных средств⁸.

Гегемония западной музеологии и соответствующих подходов к сохранению наследия способствовали развитию двух феноменов, поставивших под угрозу существование туземного кураторства: 1) глобальное распространение и воспроизведение западно ориентированных моделей; 2) опору на такие системы подготовки музейных специалистов и развития самих музеев, которые основываются на профессионализированных / стандартизованных схемах, руководимых экспертами и реализуемых по принципу «сверху – вниз». Две этих силы могут неумышленно подорвать не только туземные кураторские практики, но и, парадоксальным образом, само сохранение культурного наследия.

В своих предыдущих исследовательских проектах, посвященных развитию спонсируемых государством музеев Индонезии, я показала, что реализация дискурса и методов западной музеологии, в том их варианте, который продвигает ИКОМ, ведет к исчезновению туземных кураторских методов и подходов к сохранению наследия.

⁸ Подробнее см.: *Kreps Ch. Liberating Culture.*

Музеи и западная, базирующаяся на научном подходе музеология рассматриваются как символ современности и часть государственной стратегии модернизации и развития. Те аспекты традиционной культуры, которые не подходят к государственной идеологии (например, традиционные системы знаний – в том числе, и традиционные кураторские практики), систематически игнорируются или оказываются обречены на «исчезновение». Основное внимание фокусируется на развитие профессиональной музейной подготовки и сохранении в большей степени материальных аспектов культуры, нежели чем нематериальных, живых культурных традиций.

Изучая Провинциальный музей Центрального Калимантана, Музей Баланга, я заметила несостоятельность развития этнографического музея западного типа (снабженного даже диорамами в натуральную величину) в контексте для которого культура, представленная в музее, все еще является живой. Люди не «улавливали» значение музея и просто не видели смысла приходить туда, где воспроизводилась их повседневная жизнь. При этом в музее, хотя и не слишком заметно для широкой публики, все же шла работа, связанная с отражением местных ценностей, традиций и практик в отношении хранения этнографических материалов. Например, для манипуляций с определенными предметами музейные работники приглашали специалистов по ритуалам, известных как *basir*, или других местных жителей, которых они считали «экспертами в области культуры». Их приглашали из уважения к их особым знаниям относительно смысла определенных предметов, их использования и обращения с ними. Однако участие в музейной работе таких специалистов по ритуалам не было поддержано некоторыми из представителей высшего руководства музея, т. к. подобная практика плохо соответствовала идее современного института, деятельность которого базируется на научных основаниях⁹.

Туземное кураторство как нематериальное культурное наследие

Туземное кураторство теоретически подпадает под определение нематериального культурного наследия, сформулированное в Конвенции об охране нематериального культурного наследия. Согласно конвенции, нематериальное культурное наследие включает в себя «практики, репрезентации, выражения, знания, навыки, – так же, как инструменты, объекты, артефакты и культурные пространства, ассоциируемые с ними – которые сообщества, группы и, в некоторых случаях, отдельные лица признают частью своего культурного наследия» (статья 2.1, Определения). Помимо таких проявлений культуры, как праздники и перформативные виды искусства (например, музыкальные, танцевальные и театральные традиции), нематериальное культурное наследие охватывает также устные традиции, традиционные ремесла, знания и навыки, культурные пространства и связанные с нематериальной культурой социальные практики. Кроме того, для характеристики их как нематериального культурного наследия и охраны в рамках конвенции проявления культуры должны также передаваться от поколения поколению, постоянно воссоздаваться сообществами и группами и являться для них источником чувства идентичности и культурной преемственности. Итоговая цель конвенции заключается в развитии большего уважения к культурному разнообразию и человеческой креативности, а так же их защите.

Конвенция 2003 г. стала следствием целого ряда инициатив ЮНЕСКО в области охраны наследия, начало которым было положено примерно три десятилетия назад и

⁹ Ibid.

одним из самых ярких примеров которых является Конвенция о защите мирового культурного и природного наследия, принятая в 1972 г. Конвенция 1972 г. фокусировала внимание на выявлении и защите материального культурного наследия, определяя в качестве такового памятники, произведения архитектуры, монументальную скульптуру и живопись, археологические места, а так же природные феномены, которые должны иметь выдающуюся универсальную ценность в области истории, искусства или науки. Таким образом, она была направлена на защиту результатов человеческой креативности и мастерства, преимущественно прошлого, и выдвигала на первый план «классические» произведения, созданные «великими цивилизациями». По контрасту с ней Конвенция 2003 г. делает основной акцент на сохранении знаний, навыков и ценностей, стоящих за материальной культурой, концентрируя внимание на людях и социальных процессах, эту культуру поддерживающих. Новая конвенция демонстрирует особую обеспокоенность проблемой защиты живой культуры, выражаемой в народной или «фольклорной» традициях, признанием ценности этих традиций уже не только для истории, искусства и науки, но и для местных сообществ¹⁰.

Туземное кураторство – это не только форма нематериального культурного наследия, но и, как уже отмечалось выше, средство для его охраны. В рамках конвенции под охраной понимаются «меры, направленные на обеспечение жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу (главным образом с помощью формального и неформального образования), а также возрождение различных аспектов такого наследия». Одна из основных целей конвенции – способствовать таким условиям, при которых нематериальное культурное наследие может продолжать существовать и, таким образом, стимулировать сообщества реализовывать его выражения. Следовательно, фокус переносится в область поддержки живых культурных традиций. Другое важное требование заключается в том, что местные сообщества и сами «носители культуры» должны быть вовлечены в выявление нематериального культурного наследия, а так же развитие и применение мер по его охране. Следовательно, предполагается, что это будет партиципаторный подход к управлению и сохранению наследия, выстроенный по принципу «снизу – вверх».

Различные статьи в каждом из разделов конвенции детально определяют меры охраны, а так же роль и ответственность государств-участников. Одна из основных и, вероятно, вызывающих самые горячие споры мер, предлагаемых конвенцией для охраны нематериального культурного наследия, заключается в составлении национальных перечней такого наследия и репрезентативного списка нематериального культурного наследия человечества. Многие не только ставят под вопрос логику создания подобных перечней, но и опасаются неожиданных последствий проектов такого рода документации и архивирования. Выказывается обеспокоенность по поводу овеществления и фоссилизации нематериальных проявлений культуры вследствие их перевода в материальную форму фильмов, записей, текстов и т. д., или же стандартизации и институционализации в результате их подгонки под критерии и определения конвенции. Некоторые предполагают, что эти усилия могут сократить и без того ограниченные ресурсы, направляемые на поддержание необходимого окружения для наследия, которому и посвящена конвенция,

¹⁰ См.: *Kurin R. Tangible Progress. A Response to «Safeguarding the Intangible», A Cultural Comment essay by Michael Brown // www.culturalcommons.org* (ссылка последний раз проверялась 12.06.2013 г.)

т. е. традиционных знаний, музыки, устной традиции и т. д. Один из авторов даже рассматривает это начинание в качестве «обширного эксперимента из области информационного менеджмента»¹¹.

Мне не кажется, что создание перечней или списков может считаться наилучшим подходом к охране туземного кураторства, хотя выявление, изучение и документация в некоторых случаях вполне могут быть предварительными условиями для их применения. Скорее, конвенция как инструмент международной защиты наследия и средство повышения сознательности по отношению к нему, может использоваться для распространения знаний о туземном кураторстве и придания ему статуса легитимной музеологической практики, находящейся в одном ряду с другими кураторскими традициями, например, профессиональной, западной музеологией. Голос ЮНЕСКО в целом ряде стране имеет огромное значение. Некоторые из связанных с ней организаций, например, ИКОМ, могут обращаться к конвенции для того, чтобы стимулировать признание и применение туземного кураторства.

С момента принятия конвенции в 2003 г. вопрос о роли музеев в деле сохранения нематериального культурного наследия дискутировался неоднократно. Этой теме было посвящено несколько статей в изданиях ИКОМ – бюллетене «ICOM News» и журнале «Museum». Нематериальное культурное наследие стало темой генеральной конференции ИКОМ в 2004 г. Вполне логичным представляется, что музеи должны играть видную роль в защите нематериального культурного наследия и пропаганде тех целей, для осуществления которых и создавалась конвенция, ведь музеи с давних пор занимались сохранением и защитой культурного наследия, хотя и, преимущественно, облеченного в материальную форму. ЮНЕСКО официально поддерживала развитие музеев и профессиональных музейных практик при помощи ИКОМ с момента основания обеих этих организаций в 1946 г. В литературе неоднократно дискутировался вопрос о том, как музеи могут расширить свои традиционные функции, связанные с сохранением и защитой предметов и коллекций, за счет сохранения и защиты живых проявлений культуры. Однако сохранение живой культуры не является совершенно новой ролью для музеев. Многие музеи по всему миру занимались этим все время – назовем лишь музеи туземные, основанные на местных сообществах, соответствующие условиям особой культурной ситуации. Большие музеи, которые можно назвать принадлежащими к мейнстриму, стали уделять больше внимания нематериальному культурному наследию в ответ на те изменения, которые происходили в музейной профессии на протяжении последних десятилетий. Они включали все большее признание незападных, традиционных моделей музеев, кураторских практик и концептов сохранения наследия. Эти тенденции можно рассматривать в рамках более общего движения, связанного с признанием социального и культурного измерения музейных функций и релятивистской природы кураторской работы. В этом отношении конвенция идет параллельно с актуальными течениями в современном музейном мире и может служить еще одним инструментом защиты многообразия музеологических форм.

Признание туземного кураторства в форме совместного курирования коллекций и экспозиций становится общим местом в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Из этого сотрудничества мы узнаем много нового о тех способах, при помощи которых различные сообщества воспринимают, оценивают, защищают и хранят свое культурное

¹¹ *Brown M. Safeguarding the Intangible. Cultural Commons. The Meeting Place for Culture and Policy. Center for Arts and Culture // www.culturalcommons.org (ссылка последний раз проверялась 12.06.2013 г.)*

наследие. Оно не просто добавляет еще одну главу в литературу о сравнительной музеологии, но и стимулирует развитие более кросс-культурных подходов к управлению наследием и его сохранению. Такие подходы, как, например, включение методов сохранения, традиционных для коренных американцев, в работу обычного музея объединяют различные кураторские традиции и стратегии управления наследием.

Хотя эти примеры и показывают, что некоторые музеи в некоторых частях света уделяют теперь больше внимания охране нематериального культурного наследия, признание и применение туземных кураторских традиций и альтернативных подходов к сохранению наследия – все еще относительно новые феномены в профессиональном музейном мире. Музеологи, как это было и в случае с антропологами, больше заняты собиранием, хранением и охраной материальной культуры людей, и до недавнего времени практически не проявляли интереса к тому, чтобы узнать: как на хранение этих предметов можно посмотреть в рамках других музеологических перспектив. Есть и те, кто считает, что эти тенденции угрожают дальнейшему развитию профессиональных методов музейной работы и их стандартизации, что, в свою очередь, может поставить под вопрос саму нашу способность верно хранить и оберегать ценные культурные ресурсы. Однако признание ценности туземных кураторских традиций вовсе не должно угрожать той роли, которую играет профессиональное кураторство. Скорее, оно открывает возможности для обмена информацией, знаниями, опытом. Суть в том, чтобы поддержать набор знаний и практик, которые в силу исторических обстоятельств не были оценены по достоинству или же вообще игнорировались. Туземное кураторство и способы сохранения наследия – это уникальные проявления культуры, которые достойны самостоятельного признания и оценки как часть культурного наследия людей и как примеры глобального разнообразия культуры.

Музеи всегда суть продукты конкретных исторических и культурных контекстов и, таким образом, они уже сами по себе являются уникальными проявлениями культуры и формами материальной и нематериальной культуры. Благодаря кросс-культурным исследованиям мы продолжаем убеждаться, что точно так же, как и сами музеи, способы, которыми люди воспринимают, оценивают, хранят и передают свое наследие, различаются, как различаются по своему характеру те сообщества, которые они представляют. Все это проявления культурного разнообразия и креативности человечества, защищать которые, в конечном счете, и призвана Конвенция об охране нематериального культурного наследия.

ИКОМ может способствовать развитию более кросс-культурных подходов к сохранению культурного наследия, поддерживая изучение туземного кураторства, семинары и тренинговые программы, посвященные способам внедрения этих практик в работу обычных музеев. Представители ИКОМ могут также способствовать продолжению использования этих практик в тех районах, где кураторская деятельность все еще включена в текущие социальные отношения, как это происходит, например, в Индонезии, о чем я уже говорила выше. Когда конвенция будет полностью ратифицирована, будет создан специальный Фонд для охраны нематериального культурного наследия, который можно будет использовать для поддержки подобных начинаний. Конвенция призвана обеспечить средства для международного сотрудничества и поддержки, особенно в области изучения, образования и подготовки, а так же определить формы международной поддержки, которая включала бы помощь для изучения различных аспектов охраны, подготовки экспертов и практиков, подготовки персонала (статья 21).

Дискурс Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. отражает на теоретическом уровне перемещение акцентов с размышлений об охране материального культурного наследия в сторону обеспокоенности защитой знаний, навыков и ценностей, стоящих за наследием, а так же поддерживающих их людей и социальных процессов. Он демонстрирует необходимость оценивать культурные проявления не только на универсальном, но и на локальном (особом) уровне и признавать не только «высокую культуру», но и народные культурные формы. Но для того, чтобы конвенция стала эффективным инструментом реализации этого нового подхода к охране наследия, ее нужно использовать для стимулирования усилий, которые могли бы противостоять старым парадигмам и дать дорогу новым способам мышления и рассуждения о наследии, которые вели бы к новым формам практики. Рассматривая ту роль, которую в деле охраны нематериального культурного наследия играют музеи, некоторые специалисты отмечали, что музеи могут помогать в процессах документации, описания и архивирования (функции, которые музеи выполняют особенно хорошо), а так же в более активной поддержке, оказываемой ими музыкальным, танцевальным, драматическим и повествовательным представлениям, проводящимся в музеях. Все это, безусловно, важно и достойно внимания, но подобные взгляды отражают скорее конвенциональные подходы к сохранению наследия в музее и не демонстрируют фундаментальной смены парадигмы или отказа от старого образа мысли. Здесь мы скорее добавляем что-то еще, к тому, что музеи уже делают, а не радикально изменяем то, как они действуют. Развитие идеи туземного кураторства как формы нематериального культурного наследия и, одновременно, средства для его сохранения, может освободить музеи от их традиционной роли хранителей материальной, статичной культуры и превратить их в кураторов нематериальной, живой и динамичной культуры. Конвенция расширяет определение наследия или понимание того, что его составляет. Ее можно также использовать и для расширения нашего понимания того, что составляет саму «охрану» и «средства» для ее осуществления. Язык инклюзивности вписан в конвенцию. Но вопрос о том, как она будет интерпретироваться и использоваться, остается открытым.

Одна из главных трудностей, связанных с реализацией целей и принципов конвенции, заключается в преодолении ее внутренних противоречий и парадоксального положения, связанных с тем, что она является результатом деятельности ЮНЕСКО – международной институции, руководимой экспертами и построенной на принципах «сверху – вниз». С одной стороны, конвенция защищает местное участие в выявлении и охране нематериального культурного наследия посредством включения в эту работу самих носителей культуры, являющихся представителями фольклорных или народных традиций. Для поддержки таких типов культурной манифестации, конвенция также защищает тех, кто в силу исторических обстоятельств был лишен власти или был вынужден находиться в положении маргинала. Но с другой стороны, она определяет, что именно такое участие и охрана должны в себя включать и даже предлагает установленные критерии для их целей.

Конвенция, по контрасту с предшествовавшей ей Конвенцией о защите мирового культурного и природного наследия (1972 г.), признает, что «наследие», как и культура, – это процесс, который находит выражение во множестве форм. Однако, несмотря на то, что конвенция и содержит отсылки к разнообразию, она предполагает универсальное применение одной и той же глобальной культурной политики с определенными заранее ожидаемыми результатами. И в этом она похожа на конвенцию 1972 г. Как отмечает Р. Хандлер, «процессы культуры в основе своей специфичны и направлены на определение раз-

личий, а потому не следует ожидать, что применение глобальной политики будет иметь одинаковые результаты во всех ситуациях»¹². Эти слова можно отнести и к сохранению наследия как процессу культуры.

Перевод с английского В. Г. Ананьева

Информация о статье

Автор: Крепс Кристина – Ph.D., доцент, США, Университет Денвера, Christina.Kreps@du.edu

Заглавие: Туземное кураторство как нематериальное культурное наследие.

Абстракт: Статья посвящена возможности применения норм Конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой ЮНЕСКО в 2003 г., к туземным формам кураторской деятельности. Исследуется та роль, которую музеи и такие проводники политики ЮНЕСКО, как ИКОМ играют в деле признания и реализации на практике туземного кураторства, под которым автор понимает различные западные модели музеев, кураторских методов и концептов охраны культурного наследия. В статье приводятся конкретные примеры из практики Океании и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: кураторство, наследие, нематериальное культурное наследие, туземное кураторство.

Information on article

Author: Kreps Christine – Ph.D., Associate Professor, USA, University of Denver, Christina.Kreps@du.edu

Title: Indigenous curation as intangible cultural heritage.

Abstract: The article explores how indigenous curation qualifies as intangible heritage under the Convention on the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage adopted by the UNESCO in 2003. It also examines the role of museums and UNESCO agencies as the ICOM in promoting the recognition and application of indigenous curation. From the author's point of view intangible curation is shorthand for non-Western models of museums, curatorial methods and concepts of cultural heritage preservation. For description of this phenomena author uses few case studies from Oceania and Southern Asia.

Key Words: curation, heritage, indigenous curation, intangible cultural heritage.

¹² Handler R. Comments on Masterpieces of Oral and Intangible Culture // Current Anthropology. 2002. Vol. 43. Is. 1. P. 144.